

Репрезентации религиозного лидера «бурсьылысьяс»

В. В. Власова

*Институт языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра «Кomi научный центр УрО РАН»,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
vv505@hotmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Значимость роли лидера в разных социальных группах и процессах обусловила интерес современной гуманитарной науки к феномену лидерства. В фольклорно-этнографических исследованиях последних десятилетий особое внимание уделяется рассмотрению роли и значения личности лидеров религиозных групп, механизмам формирования религиозного авторитета. В статье вопрос репрезентации религиозного лидера рассматривается на примере Стефана Артемьевича Ермолина, основателя коми православного движения «бурсьылысьяс», появившегося на верхней Вычегде в начале XX в.

Цель: репрезентация образа религиозного лидера в публичном пространстве.

Материалы исследования: архивные и опубликованные материалы первой половины XX в., содержащие рассказы о С. Ермолине и его деятельности.

Результаты и научная новизна. В статье впервые рассматриваются повествования об основателе и лидере «бурсьылысьяс». Охарактеризованы репрезентации религиозного лидера духовенством и местными крестьянами. Священники, стремясь сохранить контроль над религиозной жизнью верхневычегодских приходов, посредством проповедей и внебогослужебных бесед пытались сформировать у прихожан негативное отношение к С. Ермолину.

Рассказы верхневычегодских крестьян о чудесных явлениях, происходивших в жизни С. Ермолина (в том числе и его собственные), укрепляли уверенность его последователей в избранном пути, подтверждали божественную природу источника знаний религиозного лидера. Личные нарративы Стефана представляют собой репрезентацию субъективного религиозного опыта, демонстрируют его представления о собственной избранности, обосновывают авторитет в вопросах веры.

Ключевые слова: коми, православие, «бурсьылысьяс», религиозный лидер, репрезентация

Благодарности: Публикация подготовлена по плановой теме «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на европейском севере России: динамика социальных и культурных изменений» (Пер. № 121042600207-7)

Для цитирования: Власова В. В. Репрезентации религиозного лидера «бурсьылысьяс» // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 530–537.

Representations of the religious leader “Burs’ylys’yas”

V. V. Vlasova

*Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation,
vv505@hotmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the significance of the role of a leader in various social groups and processes has determined the interest of humanities in the phenomenon of leadership. In folklore and ethnographic studies of recent decades, special attention is paid to the role and significance of the personality of leaders of religious groups and the mechanisms of formation of religious authority. In the article, the issue of representation of a religious leader is considered by the example of Stefan Artemyevich Ermolin, the founder of the Komi Orthodox movement “Burs’ylys’yas”, which appeared in the Upper Vychehda River area at the beginning of the XX century.

Objective: the representation of the religious leader image in public space.

Research materials: archive and published materials from the first half of the XX century which contain stories about S. Ermolin and its activity.

Results and novelty of the research: for the first time the article considers the stories about the founder and leader of the “Burs’ylys’yas”. The representations of the religious leader by priests and local peasants are studied. Strive to maintain control over the religious life of the Upper Vychehda River parishes the priests formed a negative attitude towards S. Ermolin with the help of sermons and informal talks.

Upper Vychegda peasants' stories about the miracles that took place in S. Ermolin's life (including his own stories) strengthened the confidence of his followers in the chosen path, confirmed the divine nature of the source of knowledge of the religious leader. Personal narratives of Stefan Ermolin are the representation of subjective religious experience, they demonstrate his ideas about own singularity, and substantiate his authority in matters of faith.

Key words: Komi, Orthodoxy, "Burs'ylys'yas", religious leader, representation

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the planned research theme "Ethnocultural Processes and Ethnocultural Traditions in the European North of Russia: Dynamics of Social and Cultural Changes" (№ 121042600252-7).

For citation: Vlasova V. V. Representations of the religious leader "Burs'ylys'yas" // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (3/54): 530–537.

Введение

Интерес современной гуманитарной науки к феномену лидерства, обусловленный значимой ролью лидера в разных социальных группах и процессах, привёл к появлению различных теорий о природе и сущности данного явления [23]. В фольклорно-этнографических исследованиях последних десятилетий особое внимание уделяется рассмотрению роли и значения личности лидеров религиозных групп, механизмов формирования религиозного авторитета. Эти вопросы рассматриваются на материалах мистических сект, старообрядческих общин, а также отдельных категорий и групп верующих христианских и исламских общин [1; 7; 19; 22].

В начале XX в. на верхней Вычегде (Мыёльдинский и Усть-Немский приходы Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии) возникло коми православное движение «бурсьылысьяс» (досл. певцы добра). Главным элементом религиозных практик были «беседы» (молитвенные собрания), проходившие в частных домах под руководством местного крестьянина Стефана Артемьевича Ермолина. Стефан читал, толковал и переводил на коми язык религиозные тексты; присутствующие исполняли переведённые им молитвы и песнопения на коми языке.

В научный оборот сведения о «бурсьылысьяс», как и сам термин, были введены Ю. В. Гагариным, рассматривавшим это движение как форму протеста верхневыхегодских крестьян против «господствующей церкви» [5]. В дальнейшем этнографы и фольклористы подробно описали религиозные практики «бурсьылысьяс» [15], проанализировали влияние этого движения на религиозную жизнь верхней Вычегды в советский и постсоветский периоды [16; 17]. П. Ф. Лимеров, опираясь на рукописные памятники «бурсьылысьяс» второй половины XX в., предпринял попытку реконструировать и охарактеризовать основы их учения [8; 9].

Основное внимание исследователей было сосредоточено на описании и реконструкции

религиозных практик, в первую очередь мистических, рукописного наследия «бурсьылысьяс», тогда как сведения об основателе и первом руководителе движения С. А. Ермолине фрагментарны и не всегда точны. В статье представлены биографические сведения о Стефане Ермолине, выявлены тексты, обосновывавшие его авторитет, рассмотрены репрезентации религиозного лидера.

В настоящее время в отечественной и зарубежной антропологии изучение феномена религиозного лидерства ведётся в конструктивистском ключе [7, 37–41]. Изучая специфику взаимодействия общины с харизматическим лидером, исследователи обратили внимание на агентность тех, кто подчиняется его власти [22, 314], в частности рассматривают процессы приписывания группой или разными группами лидеру тех черт, которые они хотят видеть в своём представителе [18, 4–5]. Изобретение лидером своих атрибутов власти и способов её легитимации рассматривается через призму конструирующих их нарративов [14].

Материалы и методы

Основой нашего исследования стали архивные и опубликованные материалы первой половины XX в. Метрические книги и посемейные списки содержат биографические сведения о С. Ермолине. Архивное «Дело о крестьянах Усть-Сысольского уезда и волости по обвинению их в самовольном исполнении на зырянском языке церковных обрядов», хранящееся в Государственном архиве Вологодской области, содержит несколько рукописных текстов Стефана, а также записи высказываний верхневыхегодских крестьян о проводившихся им беседах. В брошюре Вологжанина «Новый "братец" Стефан Вологодский» [4] автором коротко пересказаны истории местных жителей о Стефане, а также беседа с самим Стефаном.

В статье использованы культурно-исторический и описательный методы исследования.

Интерпретация материалов осуществлена с опорой на работы, посвящённые конструированию образа религиозного лидера с помощью различных коммуникативных инструментов.

Результаты

В начале XX в. православие играло ведущую роль в религиозной жизни зырянских приходов Вологодской и Архангельской губерний. Звучащее слово пастыря по-прежнему оставалось самым эффективным средством катехизации для значительной части населения зырянских приходов Вологодской епархии, которое оставалось малограмотным. Здесь существовала потребность доступно разъяснить основные положения вероучения на коми языке. В случае если священник не знал коми языка, его слова (на проповедях, внецерковных беседах) переводили церковнослужители, знавшие язык, а в некоторых случаях и крестьяне [2, 184, 187].

Священник С. П. Сумароков, служивший в 1890–1895 гг. в Мыёлдинском приходе, «обращался как к переводчику на зырянский язык <...> поручал читать для народа разные поучения» крестьянину Стефану Артемьевичу Ермолину [4, 11]. Такая ответственная миссия не могла быть возложена на случайного человека, очевидно, что приходской священник посчитал Стефана достаточно сведущим как в знании, так и в понимании Писания, способным правильно перевести и разъяснить односельчанам как его слова, так и религиозные тексты. На наш взгляд, эти действия священника стали своего рода публичным признанием способностей С. Ермолина, наделив его правом толковать и переводить религиозные тексты.

С. А. Ермолин родился 20 октября 1850 г. в дер. Кочудорской, входившей в состав с. Мыёлдино. В 1854 г. его отец, Артемий Архипович Ермолин, был сдан в рекруты, мать Стефана, он сам и его младший брат Филипп проживали в семье деда Архипа Ефимовича Ермолина. Согласно посемейным спискам, составленным в 1897 г., Стефан был женат, однако детей в семье не было¹. Представитель епархиальных властей, встречавшийся со Стефаном незадолго до его смерти, писал, что это «пожилой человек, но ещё бодрый, нет ещё седины в его волосах,

лицо бледное, воскового вида» [4, 11]. Скончался С. А. Ермолин от воспаления лёгких 18 июня 1913 г., он был исповедован и причащён приходским священником Ф. Клепиковым, погребён на приходском кладбище². Таким образом, с начала 1890-х гг. и до конца своей жизни С. Ермолин играл значимую роль в религиозной жизни верхней Вычегды, первоначально как помощник священника, а затем как основатель и лидер религиозного движения, получившего впоследствии название «бурсьылысьяс».

Впервые о «самовольном исполнении на языке коми обрядов и хождении по домам» епархиальное начальство узнало в 1904 г. Выяснилось, что со второй половины 1890-х гг. С. Ермолин регулярно проводил «собрания / беседы» в частных домах. Можно предположить, что Стефан продолжал читать и переводить религиозные тексты для односельчан, как это было при С. П. Сумарокове, даже после того как в приходе появился новый священник. Постепенно влияние и авторитет Стефана росли: с конца 1903 г. беседы стали проводиться не только в с. Мыёлдино, но и в соседнем с. Усть-Нем. На этих беседах С. Ермолин читал и толковал Писание, присутствующие исполняли религиозные песнопения, в том числе и переведённые Стефаном на коми язык³. В 1912 г. беседы проводились и соседних Пожегодском, Донском и Большелугском приходах. Помимо религиозных песнопений и проповедей на коми языке, обязательным атрибутом молений стали совместные трапезы, организовывавшиеся хозяином дома, в котором проходила беседа. Какое-то время беседы проводились по будням и праздникам, в 1910-е гг. только в праздничные дни. Последователи Стефана называли его «бур висьталысь» (досл. добро говорящий), а себя «бур кывзысьяс» (досл. добро слушающие) [4, 4, 12–16]. Эти термины имели прямое значение, отражая конкретные признаки и действия участников бесед: С. Ермолин читал и переводил религиозные тексты, а присутствующие его слушали. В то же время они обозначали статусы лидера и его последователей, отражая существовавшую в данном сообществе иерархию. Деятельность Стефана, как и его личность, вызывала общественный резонанс в верхневычегодских селениях. Например, его

¹ Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 343. Оп. 1. Д. 27. Л. 605 об–606. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1549. Л. 288 об–289.

² НАРК. Ф. 245. Оп. 1. Д. 461. Л. 221 об–222.

³ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 4–5.

появление в Пожегодском приходе привело к тому, что Стефан и проводимые им беседы стали основной темой разговоров сельчан «и в лавке, и в правлении, и везде» [4, 7].

Увеличение числа сторонников Стефана, популярность бесед среди местных крестьян вызвали серьезные опасения епархиального начальства и приходских священников, которые в своих проповедях убеждали прихожан, что «учителями и руководителями в деле спасения людей могут быть только лица, посланные церковной властью <...> не простецы миряне» [4, 8]. Представители духовенства стремились продемонстрировать местным крестьянам незаконность и вред бесед, проводимых Стефаном. Жёсткую критику духовенства вызывало «неблагодарное поведение» во время бесед, т.н. «веселье во имя Христово», в частности, «духовный смех», который последователи Стефана объясняли тем, что от их молитв и песнопений «Ангелы радуются тому, что у сатаны заднее место пытается», «духовное пьянство»¹; рассказы о видениях ангелов, Богородицы.

Священники представляли участников бесед как людей склонных к тунеядству и праздности, обвиняли в чревоугодии, склонности к неблагоприятным поступкам и мистицизму [4, 12, 19]. Самого С. Ермолина обвиняли в корысти (участники бесед приносили ему деньги и дары), в «славолюбии и сребролюбии». Вологжанин записал и слухи о «засорной жизни» Стефана, который не только оставил жену, но и якобы сожительствовал с вдовой [4, 9]. Кроме того, по мнению противников Стефана, он «имел какую-то особенную силу, которая притягивает к нему народ. Как тянет ко греху или к вину», даже заявляли о том, что он использует «чёрную магию» [4, 5, 6].

Совершенно другая оценка бесед, проводившихся Стефаном, дана в рассказах и комментариях его последователей. В 1904 г. крестьянин Ф. М. Мальцев, разъясняя своё отношение к молитвенным собраниям, устраиваемым С. Ермолиным, говорил: «Я раньше не ходил в церковь, не бывал на исповеди и у св. причастия <...> теперь под влиянием бесед Ермолина это оставил <...> только теперь я узнаю, как нужно жить по-христиански, чтобы получить вечное спасение <...> мы стараемся праздничное время провести

по христиански, в душеспасительных беседах»². По мнению сторонников Стефана, без посещения бесед было невозможно обрести спасение. Верующие рассказывали, что слушая Стефана, они изменились: оставили прежнюю греховную жизнь и «чувствуют радость на душе», призывали односельчан слушать Стефана и верить ему. Более того, на беседах «над головой его (Стефана – В.В.) видели огненные кружки, а в доме его были видения ангелов» [4, 16, 9, 8].

Сам С. Ермолин на претензии духовенства отвечал, что «воспрепятствовать мне делать беседы никто не может, так как я учу народ на добро, кроме того прежние священники не говорили мне, что нельзя много делать бесед»³. В свою очередь, его сторонники прямо заявляли приходским священникам, что им надо «поучиться» у Стефана, а причиной критики считали зависть, поскольку последний пользовался большим уважением и одаривался более щедро, чем они [4, 8, 10]. Молитвенные собрания, проводимые Стефаном, давали возможность участникам погрузиться в атмосферу горячей веры, чему способствовали совместные моления и песнопения на родном языке, предполагавшие максимальную включенность каждого участника, позволяя им «испытать радость».

О Стефане последователи рассказывали, как о человеке, имеющем особую «благодать». По их мнению, именно благодаря этому он мог «учить как в церкви учат» и переводить религиозные тексты на коми язык. Кроме того, он обладал даром прозорливости: «узнаёт думы людей, узнаёт, что бывает вдали от него» [4, 8]. Местным священником описывался такой случай: «найден был в поле медный крест, жители решили, что надо пойти к Стефану, который точно знает, откуда взялся крест и что с ним делать»⁴. В 1911 г. в нескольких верхневьчегодских сёлах распространились рассказы о том, что одежда Стефана «лучилась»: «Стефан спал в одной комнате, а в другой висела его одежда, вот она испускала свет» [4, 11]. Рассказы о нём, как человеке, обладающем божественным даром (благодатью), распространявшиеся в верхневьчегодских сёлах, имели определённое сходство с прозаическими фольклорными текстами о жизни святых и подвижников [11, 135–136]. В то же время

¹ Судя по всему, эти термины использовались для обозначения состояния некоторых участников молений, которые пребывали в религиозном экстазе или трансе.

² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 56.

³ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 55 об.

⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 6.

главным проявлением благодати последователи считали способность Стефана толковать и переводить религиозные тексты на коми язык, проводя параллели между ним и апостолами, говоря об «озарении в каком могут быть люди подобно апостолам в день Пятидесятницы¹» [4, 18].

Особый интерес представляют личные нарративы С. Ермолина. В 1912 г. в ходе беседы с представителем епархии Стефан рассказал, что «получил веру» после того как «видел во сне два креста: четырехконечный и восьмиконечный». Более того, ему бывают видения креста, который он видит «сердечными очами как в своём сердце, так и на воздухе». Стефан был убеждён, что получил «от Бога знание, Бог ему открывает. Сам же Бог дал ему власть учить» [4, 13–14]. В 1904 г. К. Богословский, преподаватель Вологодской семинарии, которого привлекли к изучению рукописей, изъятых у С. Ермолина, пересказал записи снов «одного из обвиняемых, сделанные на полузырянском языке». Непонятно, насколько точен представленный пересказ, и кто перевёл записи. Содержание рассказов позволяет сделать вывод, что записи сновидений принадлежали С. Ермолину. Знали ли эти рассказы последователи Стефана, неизвестно. Очевидно, что для него самого они были настолько важны, что он счёл необходимым их записать. «Шёл я ночью и попал к неизвестному двору, где открыли новый дом незнакомого мне богача. Я думал, вдруг увидят меня и побьют как вора. Устрашённый этой мыслью я воротился назад и слышу из окна второго этажа голос: “Стефан, возьми”. Я узнал, что это моя квартира и перестал бояться». «После чтения Псалтири я уснул и видел: вокруг меня стояли кресты, внизу глубокая яма, где находится множество людей, стоящие около меня вытаскивают несчастных, но не успевают, берусь за веревку я, они вытаскивают людей»².

В православной традиции сны и видения рассматривались как особый канал связи со священным: таким образом подвижники получали «наставления» от святых и Богородицы, постигали скрытый смысл событий и явлений [6, 544; 3]. Кроме того, в христианской агиографии сны использовались как инструмент демонстрации величия святого и божественной легитимации

его действий. Зачастую рассказы о сновидениях, основанные на библейских отрывках, могли принимать форму притчи [20, 60, 62]. Очевидно, что Стефан, знавший агиографическую литературу, обращался к хорошо известным не только ему, но и его окружению образам и символам. В первом тексте, записанном Стефаном, упоминается «дом богача», в житиях святых «двор дивной красоты», «чудесная палата», которые, как правило, символизируют «дом Божий». Во втором тексте говорится о яме, в которой находятся «несчастные» люди; яма как метафора греха часто используется в Писании [13]. Таким образом, первый сон мог быть истолкован как призвание Стефана на служение Богу, второй – как указание на важность его деятельности (проводимых им собраний), необходимой для спасения. Неслучайно именно записи этих сновидений стали поводом для обвинения Стефана в самообольщении³, т. е. в том, что он считает себя достигшим особого духовного состояния, свои действия праведными, прикрывая ими свою гордость и тщеславие [12]. Можно с уверенностью предположить, что рассказами о чудесных видениях Стефан делился не только с представителем епархии, но и со своими последователями, открывая им источник собственных знаний.

Следует отметить, несмотря на разногласия с духовенством, сам С. Ермолин и его ближайшие последователи оставались «самыми ревностными исполнителями в приходе уставов и обрядов православной церкви <...> долг исповеди и св. причастия исполняют неуклонно и по несколько раз в год»⁴. Священнослужители отмечали, что крестьяне, посещающие беседы, оставляют «худую, грешную» жизнь, отказываются от алкоголя, табака, праздничных гуляний, соблюдают посты, исповедуются четыре раза в год, уделяют большое внимание домашней молитве [4, 9, 11, 15]. Представитель епархии, анализируя дело С. Ермолина и действия приходских священников, писал: «простой народ ищет религиозного знания, нравственного руководства, готов идти за случайным руководителем <...> священники уступили свои права учителям непризнанным и неприготовленным, равнодушно терпят унижение их авторитета»⁵.

¹ Согласно толкованию, в этот день вместе с даром говорить на разных языках апостолы, как вселенские учителя, получили и дар сказания языков, т. е. дар истолкования на родном для слушателей языке, а так же дар научения других вере [10].

² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 19–19 об.

³ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 19–19 об.

⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 56 об.

⁵ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 22 об, 23.

Обсуждение и заключения

Религиозная жизнь Российской империи рубежа XIX–XX вв. характеризуется большей автономией прихожан в вопросах веры, что стало возможно благодаря росту грамотности, увеличению доступности религиозной литературы, позволившей верующим самостоятельно читать и интерпретировать прочитанное [21, 5]. Именно как чтец, толкователь и переводчик на коми язык религиозных текстов начинал свою деятельность С. А. Ермолин. В 1900–1910-е гг. постоянно увеличивавшееся число последователей Стефана вызывало серьёзное беспокойство духовных властей, его религиозная деятельность стала поводом и предметом широкой общественной дискуссии в вычегодских сёлах.

Проанализировав имеющиеся источники, можно говорить о репрезентациях религиозного лидера «бурсьылысьяс» двумя социальными группами (духовенство / крестьяне), представлявшими церковный и народный взгляды на личность и деятельность С. Ермолина. Стремясь сохранить контроль над религиозной жизнью верхневычегодских приходов, священники, посредством проповедей и внебогослужебных бесед, пытались сформировать у прихожан негативное отношение к С. Ермолину. Они не только разъясняли прихожанам, почему, с точки зрения

церкви, проведение молитвенных собраний незаконно, но и обвиняли Стефана в корысти, честолюбии, распутной жизни, объясняя его влияние на верующих действием потусторонних сил («чёрная магия»).

В свою очередь, среди верхневычегодских крестьян получили распространение рассказы, обосновывавшие и подтверждавшие религиозный авторитет Стефана, основной темой которых были чудесные явления (проявление божественного в жизни Стефана и его последователей). Рассказы о Стефане создавали образ набожного человека, практически святого, обладающего даром предвидения и «благодатью», получившего свои знания от Бога. Рассказы о происходивших на беседах чудесах (видения ангелов и святых, сияющие круги над головой Стефана) не только объединяли последователей Стефана, но и укрепляли их уверенность в избранном пути, подтверждали божественную природу источника знаний религиозного лидера. Выявленные нами личные нарративы С. Ермолина представляют собой репрезентацию субъективного религиозного опыта (обретение веры, общение с божественным). Они демонстрируют убежденность С. Ермолина в избранности, а также в моральной ценности собственных действий и учения (необходимость бесед для спасения).

Список источников и литературы

1. Антипин Н. А., Шестаков А. М. Бессвященная власть в старообрядческой поморской общине Челябинска // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2023. Т. 23. № 1. С. 6–13.
2. Власова В. В. Христианское просвещение в зырянских приходах Вологодской епархии: беседа и церковная проповедь на родном языке // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 183–195.
3. Власова В. В. Рассказы о снах в религиозных практиках верхневычегодских коми в XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 104–113.
4. Вологжанин. Новый «братец» Стефан Вологодский: Материалы для истории новейшего мистического сектанства. СПб.: Издание М. В. Скворцова, 1912. 19 с.
5. Гагарин Ю. В. «Бурсьылысь» как местная разновидность православия в Коми крае // Этнография и фольклор / отв. ред. Л. Н. Жеребцов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1976. С. 60–74. (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 17).
6. Долгов В. В. Представления об обществе в картине мира населения Древней Руси XI–XIII вв.: дисс. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2008. 616 с.
7. Дубовка Д. Г. Сила слова старца: механизм осуществления харизматической власти // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 37–64.
8. Лимеров П. Ф. Рукописный памятник коми-зырян Соборный чин: поучение и основы вероучения // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 1. С. 56–70.
9. Лимеров П. Ф. Памятник литературы Верхней Вычегды: Сöбирайтчöм рад – Соборный чин // Арт (Лад). 2022. № 3 (99). С. 25–55.
10. Михайловский В. прот. Объяснение апостольских чтений на литургии во все воскресные дни года М.: Изд-во Сретен. монастыря, 1998. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Mihajlovskij/ob-jasnenie-apostolskih-chtenij-na-liturgii-vo-vse-voskresnye-dni-goda/18 (дата обращения: 23.08.2023).
11. Мороз А. Б. К фольклорному стереотипу святости. Деревенские чудачки // Genius Loci: Сборник статей в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова / отв. ред. О. Б. Христофорова. М.: Форум, 2016. С. 127–154.

12. Святыя отцы о прелести // Цветник духовный. URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/tsvetnik-duhovnyj/#0_13 (дата обращения: 23.08.2023).
13. Словарь библейских образов: Справочник / под общ. ред. Л. Райкена. СПб: Библия для всех, 2005. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov> (дата обращения: 20.08.2023).
14. Трофимова К. Исключённость и исключительность: самопрезентация религиозного лидера и социальный контекст религиозной повседневности // ISLAMODOLOGY. 2019. Т. 9. № 1–2. С. 178–194.
15. Чувьюров А. А. Гендерные отношения в религиозно-мистических сообществах (на примере коми этноконфессионального движения бурсьыласьяс) // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах: материалы научной конференции. СПб.: Алетейя, 2001. С. 76–84.
16. Chuvyurov A., Smirnova O. Confessional factor in the ethno-cultural processes of the Uppet-Vychehda Komi // Pro Ethnologia. 15. Multiethnic Communities in the Past and Present. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2003. Pp. 169–196.
17. Leete A., Koosa P. Routine and Authority. The Return of the Russian Orthodox Church // Sibirica. 2023. Vol. 22. № 2. Pp. 1–29.
18. Kormina J. Russian Saint Under Construction: Portraits and Icons of Starets Nikolay. Basic research program. Working papers. Series: Humanities, WP BRP 04/HUM/2012. URL: https://wp.hse.ru/data/2012/03/30/1265341577/04HU_M2012.pdf (дата обращения: 23.08.2023).
19. Lindholm Ch. Introduction: Charisma in Theory and Practice // The Anthropology of Religious Charisma: Ecstasies and Institutions. Ed. Ch. Lindholm. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. Pp. 1–30.
20. Pansters K. Dreams in medieval saints' lives: Saint Francis of Assisi // Dreaming. 2009. Vol. 19. № 1. Pp. 55–63.
21. Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2004. 358 p.
22. Thurffjell D. The Hey'ati Movement Charismatic Preachers, Politics and Youth Culture // Handbook of Islamic Sects and Movements. Ed. M. Afzal Upal, C. M. Cusack. Leiden: Brill Academic Publishers, 2021. Pp. 305–327.
23. Winkler I. Contemporary Leadership Theories Enhancing the Understanding of the Complexity, Subjectivity and Dynamic of Leadership. Heidelberg: Physica-Verlag, 2010. 107 p.

References

1. Antipin N. A., Shestakov A. M. *Bessvyashchennaya vlast' v starobryadcheskoy pomorskoy obshchine Chelyabinska* [Illegal authority in the old believer Pomorsk community of Chelyabinsk]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2023, no. 23 (1), pp. 6–13. (In Russian)
2. Vlasova V. V. *Hristianskoe prosveshchenie v zyrjanskikh prihodah Vologodskoj eparhii: beseda i cerkovnaja propoved' na rodnom jazyke* [Christian education in Zyryan Parishes of the Vologda Eparchy: conversation and church sermon in the native language]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2017, no. 1, pp. 183–195. (In Russian)
3. Vlasova V. V. *Rasskazy o snakh v religioznykh praktikakh verkhnevychegodskikh komi v XIX–XX vv.* [Stories about dreams in religious practices of the Upper Vychehda Komi people in the XIX–XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2022, no. 481, pp. 104–113. (In Russian)
4. *Vologzhanin. Novyj "bratec" Stefan Vologodskiy: Materialy dlja istorii novejshego misticheskogo sektantstva* [Vologzhanin. New "brother" Stefan of Vologda: Materials for the history of the modern mystical sectarianism]. Saint-Petersburg: Izdanie M. V. Skvortsova Publ., 1912. 19 p. (In Russian)
5. Gagarin Yu. V. *"Bursylsyas" kak mestnaia raznovidnost' pravoslavija v Komi krae* ["Bursylsyas" as a local variety of Orthodoxy in the Komi region]. *Etnografija i fol'klor* [Ethnography and Folklore]. Syktyvkar: Komi filial AN SSSR Publ., 1976. Pp. 60–74. (In Russian)
6. Dolgov V. V. *Predstavleniia ob obshchestve v kartine mira naseleniia Drevnei Rusi XI–XIII vv.* [Representations about society in the picture of the world of Ancient Russia population in the XI–XIII centuries]. Izhevsk, 2008. 616 p. (In Russian)
7. Dubovka D. G. *Sila slova startsa: mekhanizm osushchestvleniya kharizmaticheskoy vlasti* [The Power of a Spiritual Elder's Words: The Ways of Communication in a Community with Charismatic Authority]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2017, no. 33, pp. 37–64. (In Russian)
8. Limerov P. *Rukopisnyj pamjatnik komi-zyrjan Sobornyj chin: pouchenie i osnovy veroucheniia* [Cathedral Rank, a Handwritten Document of the Komi-Zyrians: Instruction and Foundations of Faith]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica], 2020, no. 8 (1), pp. 56–70. (In Russian)
9. Limerov P. F. *Pamjatnik literatury Verhnej Vychehdy: Sobirajtchöm rad – Sobornyj chin* [Upper Vychehda' literary monument: Sobirajtchöm rad – Cathedral rank]. *Art (Lad)* [Art (Lad)], 2022, no. 3 (99), pp. 25–55. (In Russian)
10. Mikhaylovskiy V. prot. *Ob»yasnenie apostol'skikh chteniy na liturgii vo vse voskresnye dni goda* [Explanation of the apostolic readings at the liturgy on all Sundays of the year]. Moscow: Izd-vo Sreten. Monastyrja Publ., 1998. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Mihajlovskij/ob-jasnenie-apostolskih-chtenij-na-liturgii-vo-vse-voskresnye-dni-goda/18 (accessed August 23, 2023). (In Russian)
11. Moroz A. B. *K fol'klornomu stereotipu svyatosti. Derevenskie chudaki* [Towards a folklore stereotype of holiness. Village weirdos]. *Genius Loci: Cbornik statey v chest' 75-letija S. Yu. Neklyudova* [Genius Loci: Collection of articles in honor of the 75th anniversary of S. Yu. Neklyudov]. Ed. by O. B. Khristoforova. Moscow: Forum Publ., 2016. Pp. 127–154. (In Russian)

12. *Svyatyje ottsy o prelesti* [Holy fathers about spiritual deception]. *Tsvetnik dukhovnyy* [Spiritual flower garden]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/tsvetnik-duhovnyj/#0_13 (accessed August 23, 2023). (In Russian)
13. *Slovar' bibleyskikh obrazov: Spravochnik* [Dictionary of Biblical Imagery: Reference book]. Ed. by L. Rayken. Saint-Petersburg: Bibliya dlya vsekh Publ., 2005 (accessed August 20, 2023). (In Russian)
14. Trofimova K. *Isklyuchennost' i isklyuchitel'nost': samoprezentatsiya religioznogo lidera i sotsial'nyy kontekst religioznoy povsednevnosti* [Exclusion and exclusiveness: religious leader's self-presentation and social context of religious everyday life]. *ISLAMODOLOGY* [ISLAMODOLOGY], 2019, no. 9 (1–2), pp. 178–194. (In Russian)
15. Chuvjurov A. A. *Gendernye otnoshenija v religiozno-misticheskikh soobshhestvah* [Gender relations in religious and mystical communities]. *Mifologija i povsednevnost': gendernyj podhod v antropologicheskikh disciplinakh. Materialy nauchnoj konferencii* [Mythology and everyday life: gender approach in anthropological disciplines. Proceedings of the Scientific Conference]. Saint-Petersburg: Aletejja Publ., 2001. Pp. 76–84. (In Russian)
16. Chuvjurov A., Smirnova O. Confessional factor in the ethno-cultural processes of the Uppet-Vycheгда Komi. *Pro Ethnologia. 15. Multiethnic Communities in the Past and Present*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2003. Pp. 169–196. (In English)
17. Leete A., Koosa P. Routine and Authority. The Return of the Russian Orthodox Church. *Sibirica*, 2023, no. 22 (2), pp. 1–29. (In English)
18. Kormina J. *Russian Saint Under Construction: Portraits and Icons of Starets Nikolay*. Basic research program. Working papers. Series: Humanities, WP BRP 04/HUM/2012. Available at: <https://wp.hse.ru/data/2012/03/30/1265341577/04HUM2012.pdf> (accessed August 23, 2023). (In English)
19. Lindholm Ch. Introduction: Charisma in Theory and Practice. *The Anthropology of Religious Charisma: Ecstasies and Institutions*. Ed. Ch. Lindholm. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. Pp. 1–30. (In English)
20. Pansters K. Dreams in medieval saints' lives: Saint Francis of Assisi. *Dreaming*, 2009, no. 19 (1), pp. 55–63. (In English)
21. Shevzov V. *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 358 p. (In English)
22. Thurfjell D. The Hey'ati Movement Charismatic Preachers, Politics and Youth Culture. *Handbook of Islamic Sects and Movements*. Ed. M. Afzal Upal, C. M. Cusack. Leiden: Brill Academic Publishers, 2021. Pp. 305–327. (In English)
23. Winkler I. *Contemporary Leadership Theories Enhancing the Understanding of the Complexity, Subjectivity and Dynamic of Leadership*. Heidelberg: Physica-Verlag, 2010. 107 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Власова Виктория Владимировна, старший научный сотрудник сектора этнографии Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук ФБГУН Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН» (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, каб. 501), кандидат исторических наук.

ORCID ID: 0000-0002-4934-4192

vv505@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vlasova Viktoria Vladimirovna, Senior Researcher, Sectors of Ethnography, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaja Str., 26), Candidate of Historical Sciences.

ORCID ID: 0000-0002-4934-4192

vv505@hotmail.com